

ЮРИЙ ЛЮБИМОВ

С главным режиссером Театра на Таганке беседует наш корреспондент Ирина ГОРЮНОВА.

Юрий Любимов приехал на Таганку, чтобы выпустить спектакль «Электра», премьера которого уже состоялась в Греции. Когда я пришла в театр, режиссер заканчивал репетиции. На сцене — Алла Демидова, Екатерина Васильева, Юрий Смирнов. Юрий Петрович говорит со своими актерами на особом языке.

И вдруг: «Ну ладно, ребята, у меня дела. Завтра в десять». Его не отпускают. Он давно не был в театре. Его долго не будет.

Длинными коридорами-лабиринтами идем в кабинет главного режиссера. С нами следует артист Иван Бортник.

— Юрий Петрович! Так мне завтра приходится на репетицию?

— Как хотите.

— Но я нужен?

— Не знаю. Вы же вольно ведете себя в театре. Хотите — приходите, хотите — нет. Извините, я занят.

Любимов закрыл дверь своего кабинета, того самого, который вместил в себя всю историю этого многострадального театра. Стены с автографами актеров и гостей, детали декораций, афиши. И фотографии, фотографии, фотографии... Высоцкий, Золотухин, Филатов, Демидова, Смехов, Славина, Бортник, Губенко...

Но рассматривать было некогда. Три дня Любимова в Москве расписаны по минутам. А спросить хотелось о многом.

МН: Юрий Петрович! Завтра премьера «Электры». Эту трагедию Софокла вы поставили для фестиваля «Миф об Электре», который прошел в Афинах в конце прошлого сезона. Московская версия отличается от греческой?

— Нет, абсолютно ничем. Тот же спектакль с тем же исполнительским составом, кроме пластического ансамбля. Мы выпускали его с греческой фирмой «Дворец музыки».

МН: Вы собираетесь поставить что-то новое на Таганке?

— Да, сегодня прочитаю артистам сценарий музыкального спектакля по роману Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Это моя совместная работа с Альфредом Шнитке, которого я давно знаю и чрезвычайно высоко ценю. Таких музыкантов, как Шнитке, очень мало в мире. А в этой стране ценить людей не умеют.

МН: Вы и сегодня так думаете?

— А вы считаете, все сразу изменилось? После семидесятилетнего растления, затемнения раскула, непрерывной лжи...

МН: Вы по-прежнему обижены на эту страну?

— Обида мешает дело делать. Я ведь не счеты свожу. У меня просто есть память, как у всех людей. А фашистские режимы память уничтожают. У целой нации уничтожили память. А я помню, что моего дела, крепостного мужика, в 80 лет в снег выбросили, отца держали в тюрьмах. И все двадцать лет, что я руководил этим театром, меня прорабатывали, оскорбляли, унижали, запрящали и, наконец, вообще лишили гражданства. В «Известиях» есть на меня досье. Множество «секретных» документов. Все политбюро когда-то занималось моей персоной. Делать им было нечего!

МН: Но политбюро уже давно нет...

— Да, я приехал при режиме господина Горбачева и заявил, что, пока эта фашистская партия у власти, моей ноги здесь не будет. И снова уехал на полтора года... Разогнали эту поганую партию (и то не до конца) — и слава Богу!

МН: Вернемся к вашей творческой деятельности. «Доктор Живаго» — это что, опера?

— Нет. Это будет музыкальный спектакль. Но мы не собираемся делать бродвейский мюзикл. В спектакль включена поэзия Пастернака и куски

„... Все, что творится в стране, творится в этом театре...“

его романа. Музыкальные дуэты, трио, квартеты, пластические номера. Для меня важны размышления Пастернака, его мироощущение. Я написал либретто, которое прочитал сыну Бориса Леонидовича. Ему понравилось. Затем прочитал Шнитке. И мы стали работать. Это будет совместное производство с немцами. Они помогают финансово и организационно (продюсер Томас Пэц). У Театра на Таганке нет денег на постановку, нет тканей — не из чего шить костюмы.

МН: А в России нет людей, которые хотели бы помочь театру?

— Не знаю. Я их не искал. Мне некогда.

МН: Вы собирались приватизировать театр?

— Так ведь есть указ президента, запрещающий приватизацию учреждений культуры. Я же не буду полемизировать с президентом. Это у людей искусства есть закон, что театр принадлежит тому, кто его создал. Ну, а на деле это не так. Потом, вы же знаете, что часть театра не хочет... И я бы не стал комментировать эту грязную ситуацию. Не хочу обсуждать поведение некоторых актеров. Это дело их совести. Меня их поступки не интересуют. Я хочу работать.

МН: На каких условиях вы сейчас работаете в театре?

— Я подписал контракт до конца 1993 года. В него входила «Электра». Я ее сделал. Входил «Подросток» по Достоевскому — я делаю. Привлек к работе студентов курса, набранного мной два года назад в Щукинское училище.

МН: Вы находите время для занятий со студентами?

— К сожалению, занимаюсь очень мало. Моя семья живет не в этой стране. У сына родной язык не русский и не венгерский (у меня жена венгерка), а английский. А здесь в Москве нет хорошего английского лица.

МН: Вы познакомились со своей женой здесь?

— Да, в Обществе венгеро-советской дружбы. Тогда еще была советская власть — СССР. Это вчера, знаете ли, меня спрашивает таможенник: «Где штамп, где разрешение?» А я у него: «Что же вы не задаете вопрос — почему на паспорте написано СССР? Его же нет. Это все — фикция».

МН: Он понял ваш юмор?

— Кстати, да. Просто он требовал декларацию.

МН: У вас израильское гражданство?

— Да! Это мне Лукьянов предлагал отказаться от него. А я ему ответил: «Мне та страна дала гражданство, когда эта выгнала».

МН: Но вы не работаете в Израиле?

— Почему же? Я там ставил спектакли. Преподával. Просто страна маленькая. Много безработных. А у меня постановки во многих странах. И расписаны на много лет вперед.

МН: Несколько лет назад по «Голосу Америки» вы восторженно отзывались об Израиле. Отношение к нему остается прежним?

— Эта маленькая страна сорок лет живет и воюет в море врагов. Я там жил и знаю.

Существует масса организаций, которые ставят своей целью физическое уничтожение Израиля. Как же это можно не понимать? Да, я русский. Но я это понимаю. Какая еще нация подвергалась такому геноциду? Только Россия, наверное, когда Сталин уничтожил больше русских людей, чем немцы. Израильяне пришли в пустыню. И сделали за 40 лет государство. А мы что сделали за 75?

МН: Вы всегда боролись против бюрократии. Говорят, Израиль — одно из самых бюрократических государств.

— Да. Бюрократия там сильна. Но эта традиция заложена еще англичанами и социалистической партией. Они же считали себя, а многие и теперь считают социалистическим государством. Но при всем этом вы там свободны. Там действуют нормальные законы свободной страны. Здесь же нормальных законов нет и по сей день.

МН: Тем не менее вы свободно приезжаете сюда в роли руководителя театра. После событий, связанных с избиением бывшего министра культуры СССР народного артиста Николая Губенко, пресса надолго замолчала о ситуации в театре. Потом стало известно о расколе труппы...

— Губенко не работал в театре, когда был министром. Биография-то его ясна. И вообще, я не хочу этого вопроса касаться. Кто им мешает работать? Когда кто-то из них заявил: «Мы будем Таганка-2», не я, а люди, которые ведают культурой,

им ответили: «Таганка была и останется одна». Пусть они доказывают свои права искусством.

МН: Вы заключили контракт со всеми актерами театра?

— В моем контракте написано, что я могу заключать контракт с теми, с кем захочу работать. Теперь выясняется, что это незаконно, что я не могу кому-то сказать «нет». На меня подадут в суд.

МН: А кто с вами заключал контракт?

— Началось с мэра Москвы Гавриила Попова. Он мне написал письмо, что приглашает побеседовать, что хотя бы попробовать новую форму отношений. И тогда я предложил свой план работы, в который, кроме того, что я назвал, войдет постановка спектакля по произведениям Венедикта Ерофеева. Не только роман «Москва — Петушки». Это будет композиционное построение, как мы всегда делали в театре: о его творчестве, о нем. Ерофеев — уникальный, с моей точки зрения, писатель и удивительная личность с неповторимой манерой и литературным стилем.

МН: Вы не раз говорили, что часть труппы, «старики Таганки», — отработанный материал. И вам не хотелось устраивать из театра богадельню...

— Нет, это не совсем так. Есть в моей профессии, тем более в актерской, определенный возраст, с которым надо считаться.

МН: Мы же не о балете...

— Но то же самое происходит в драматическом театре.

МН: Значит, ваши спектакли — только для молодых?

— Парадокс-то в том, что я за все годы никого не уволил.

МН: Но если вы не планируете часть артистов занимать в спектаклях, это можно расценить как увольнение...

— Они же сами отделились. Я сказал: пожалуйста. Вот вы с ними и говорите, с Губенко, с Филатовым... Я с ними не хочу говорить.

МН: Любопытная, однако, ситуация: люди, которые так боролись за ваше возвращение, писали во все газеты, бойкотировали Эфроса, оказались не с вами. Ведь Губенко встречал вас в аэропорту после вашего долгого отсутствия...

— Ну, меня многие встречали, а ему надо было это делать с точки зрения политической... Вы опять меня вовлекаете в разговор, который я не хочу вести.

МН: Вы долгие годы были хозяином Театра на Таганке. Сейчас в основном работаете по контрактам в разных странах. Вас это устраивает?

— Все в этом мире относительно. Сейчас театр расколот. Это театр с удивительной судьбой — все, что творится в стране, творится в этом театре.

МН: Вы считаете, театр в России переживает кризис?

— Может быть. Хотя так всегда говорят. Но сейчас все заняты не работой, а выживанием. Все наконец поняли, что жизнь — это не бесес. Жизнь человек должен себе сам строить. Как это делают во всем мире.

...Премьера «Электры» состоялась 13 сентября. Зрителям и критике еще предстоит сказать свое слово о новой работе мастера. Одно, на мой взгляд, очевидно. Спектакль остро современен: проблема кровной мести, вражды и непонимания близких друг другу людей заявлена Любимовым со всей определенностью.

В этом ему, безусловно, помог художник Давид Боровский. Но еще больше — Алла Демидова («Электра») и Екатерина Васильева (мать Электры).

После спектакля в кабинете главного режиссера отмечали премьеру — самый большой праздник в театре. Через 15 минут Любимов отбыл в аэропорт.

— Когда вы снова в Москве?

— В начале декабря. Приступлю к постановке «Доктора Живаго». Премьера состоится в Вене.

Жаль, что 75-летие застает Любимова вне театра, которому он отдал лучшую пору своих исканий и режиссерских открытий.

ДОСЬЕ «МН»

Родился 30 сентября 1917 г. в Ярославле. В 1936—1940 гг. — студент школы при Московском театре имени Евг. Вахтангова. В 1940—1946 гг. — в Ансамбле песни и пляски НКВД (МВД) СССР, где был замечен В.Немировичем-Данченко. С 1946 года — в труппе Театра имени Евг. Вахтангова. Заслуженный артист РСФСР (1954 г.). Лауреат Сталинской (Государственной) премии (1952 г.). С 1964 г., оставаясь актером Театра имени Вахтангова, был назначен главным режиссером Московского театра драмы и комедии на Таганке. С 1984 г. по 1989 г. жил вне территории СССР, был лишен гражданства СССР, продолжал режиссерскую работу на площадках различных стран. В 1989 г. вернулся в Москву, восстановлен в гражданстве СССР, назначен художественным руководителем Театра на Таганке.

Подписано в 10.17

4.10.92